

УЧИТЕЛЬСКАЯ ЭНЕРГЕТИКА: предрасположенность и опыт

Александр Александрович Мурашов,
профессор Гродненского государственного университета
им. Янки Купалы, доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук, Беларусь.
e-mail: alexm55@rambler.ru

- предрасположенность • опыт • энергетика • коммуникативный лидер
- педагогическая риторика • диалог • педагогическая харизма

Предрасположенность и опыт — важнейшие компоненты каждой профессии. С одной стороны, — желание обрести эту профессию, внутренняя установка на неё. С другой, — не просто подготовленность или стремление, а реальное ощущение себя внутри профессии, творческие наработки, умения и навыки. Педагогическая деятельность в этом отношении не уникальна. Необычна она в другом.

«Педагогическая практика» у будущих учителей, по сути, начинается с момента появления в классе — ещё в качестве учеников. Критически, по-детски пристально оглядывая наставников, дети находят в них качества, принципиальные для своего будущего профессионального облика. Властность. Твёрдость. Доброту. Гуманность. Неистощимость фантазии. Неизменность позиции. Высокий темп занятия. Глубокое знание предмета...

Каждый выделяет в будущем профессиональном эталоне то, что считает принципиальным для себя.

У одного любимая учительница стала любимой потому, что одевается, как мама. Другой накануне ездил в театр — и, замороженный игрой актрисы, слышит в речи учительницы как раз её интонации. У третьего есть старший брат — он только что поступил в архитектурный. Так вот, он, считавший себя будущим бизнесменом, и не представлял, что влюбится в учительницу черчения за комментарии — довольно резкие, — какими она снабжала его работы. Снабжала, пока он не стал побеждать на олимпиадах по черчению. Вот брат и рассказывал об этой учительнице, восторженно сверкая глазами; младший уже был подготовлен к тому, что она — необычная, самая мудрая и самая обаятельная...

Среди многочисленных учительских качеств есть одно, на которое обращают внимание абсолютно все ученики. Вначале — цитата. Из самого себя, поэтому не беру в кавычки и не снабжаю ссылкой. Это — воспоминания реального ученика о реальных учителях, каждый из которых в той или иной степени

повлиял на то, что называют профессиональной предрасположенностью.

Учителя были разные — и внешне, и по характеру произносимых слов. У одних слова падали, случайные или съёжившиеся, как поникшие лепестки фиалки. У других — рассыпались бессильными бусинками, когда нитка вдруг порвётся. Были и такие слова, что напоминали оплеушины, — оставалось лишь выяснить, кто и чем их заслужил. Или как две капли воды были похожи на кряхтящие глиняные черепки, в которые превращается растрескавшийся и изрядно отяжелевший горшок. У кого-то слова были невесомыми, как серые перья — правда, летящие во всех направлениях в курятнике, где вспыхнул жаркий поединок, взрывающий вполне мирное кудахтанье. Но тяжелее всего были слова, двусмысленно поблёскивающие, как стальные болванки, что падают в корзину после привычного рокота станка. Слова опускались редкими каплями или сыпались горошинами, летели по доске в отчаянном аллоре — или смешно подпрыгивали, близоруко разыскивая спасительную точку. Звучали шелестом проснувшихся веток — или поёживались тяжестью тех же веток, вымокших от дождя. Всё это — и капли, и лепестки, и болванки — сливалось в неповторимую школьную какофонию, под грузом которой вызревали алмазы, менее всего помнящие о жаркой печи, где они, такие прозрачные и твёрдые, появились на свет.

Итак, это качество — умение учителя... говорить. Обращаться к классу. Быть командиром. Защитником. И — футболистом, который примет самую лихую подачу, отобьёт самую безбашенную атаку; и точно — не пропустит ни одного мяча в ворота. Предрасположенность к педагогической профессии непременно означает умение (или желание) взаимодействовать с аудиторией, которое совершенствуется с опытом, обретая формы и позиции, а они в совокупности образуют то, что называют «риторической личностью» педагога.

Опыт в педагогической работе позволяет учителю держаться уверенно, говорить с аудиторией непринуждённо, строить занятие по принципу риторического «слоёного пирога», то есть переходить от монолога к диалогу, от фронтальной работы к индивидуальной, задействуя каждую минуту учебного занятия, не давая права на расслабление — ни себе, ни классу, ожидающему открытий и готовому воспринимать огромные информационные объёмы, поскольку внедряются они органично, без монотонности и диктаторского преклонения перед оценкой.

Когда предрасположенность и опыт оказываются в гармоническом взаимодействии, — образуется то, что принято называть «учительской харизмой», учительской энергетикой. Энергетический взаимообмен невозможен у начинающего учителя — как правило, он отдаёт энергию, но не участвует в том самом обмене. Учитель опытный, но относящийся к своему делу как к изнурительной работе, т. е. лишённый предрасположенности или забывший о ней, формирует подобие «энергетического колокола», при котором класс может его слушать, но полноценного и полноценного диалога не происходит.

Когда-то Демосфен, ещё начинающий оратор, хоть и знавший риторические законы, терпел неудачи и мучительно переживал их. Ему на помощь пришёл актёр, исполнивший услышанное от Демосфена в соответствии с канонами сценической речи, и неудач у оратора больше не было. Вот и учительская харизма означает «исполнение» урока. Обратим внимание: мы никогда не прочитаем как надо стихотворения перед классом, если думаем о постороннем, даже великолепно зная текст. Никогда не расскажем об историческом или литературном персонаже, если не увидим его мысленным взором. Голос будет дрожать, выдавая внутренний поиск; руки — взлетать в неожиданных местах, обнажая нашу неискренность; глаза — суетливо бегать или, наоборот, фокусироваться на одной-

единственной точке, выдавая подоплёку — наш дискомфорт.

Приходилось видеть отличных специалистов, знатоков предмета и ребячьей души, — чьи уроки воспринимались как назидательные монологи или как дополнение к ярким презентациям. Не более. Учитель был скован и робок, его фразы, даже содержавшие интересную информацию, не воспринимались ребятами в качестве открытий. Недавно посетовал коллега: аудитория, с которой они считали друг друга «своими», (на неё всегда он мог положиться, а она заинтересованно ждала его занятия), неожиданно дистанцировалась, словно не было полутора лет продуктивного общения. Причина: подскочило давление; говорил, ожидая конца занятия, хоть и изо всех сил пытался это скрыть. Настоящая причина — глубже, и касается она всех нас: он ощущал себя усталым. Был лишён постоянного энергетического запаса. Учительская харизма, учительская энергетика (о ней не следует даже думать, если плохо себя чувствуем или озабочены чем-то) — то средоточие predisposedности и опыта, без которого учитель и класс окажутся словно разведёнными по разные стороны какого-то незримого барьера. И самая интересная информация будет казаться жалкой и скучной, а самое вдохновенное «исполнение» — холодным и вымученным. Она, энергетика, — главное в педагогической риторике.

«К доске! — командует учитель. — Ставим опыт. Берём пробирку. Наливаем воду. Помещаем...» Класс заинтересованно следит за происходящим, и по глазам видно: каждый хотел бы оказаться там, у доски, и, выполняя резко звучащие в тишине команды, практически освоить тему. *«Сегодня мы с вами, — превосходно интонируя фразу, но пряча глаза, произносит другая учительница, — побываем на родине Сергея Есенина — нашего замечательного поэта, который ввёл в литературный обиход то, что до него казалось немислимым, — деревенскую тему, придав ей образное богатство и метрическое разнообразие».* Всё при ней: инклюзивная речь («мы с вами»), интригующее начало занятия, солидно-сложное предложение, расцвеченное литературными изысками. Но ребята следят со скучающими лицами, и вовсе не потому, что химия для кого-то интереснее лите-

ратуры. «Барабанная дробь» химика звучала уверенно и непринуждённо: он не искал идеальных фраз, переглядывался с классом, кивая, выражая отношение к действиям ученика, ставившего опыт. Любую ситуацию, возникавшую впоследствии на уроке, он комментировал со снисходительностью взрослого и одновременно — с заинтересованностью отца, обращающегося к ребёнку. Каждой фразой, каждой интонацией, каждым движением он поддерживал репутацию строгого родителя и одновременно — насмешника, «приколиста», одного из них, к кому обращался. Всё это и есть составляющие педагогической харизмы, венчающей гармонию predisposedности и опыта. Он говорил с позиции опытного защитника, уверенного в себе командира, и слова, как и ученики, слушались его, приходя в нужную минуту и немедленно вызывая эмоциональную реакцию.

Учительница литературы вела урок по-другому. Она не просто великолепно знала материал — она боялась, что его не осваивают ребята. Её испуг и передавался им; они, готовые прийти на помощь, одновременно видели, что ни в какой помощи учительница не нуждается. К ним поступали два взаимоисключающих импульса. Один свидетельствовал о безупречном знании материала и владении речью; другой — о сильном волнении, готовом перейти в панику, что бессознательно считывалось с судорожных жестов, с уведённого в сторону взгляда, с неожиданных заиканий, с подрагивающего голоса...

Учитель химии продемонстрировал ту педагогическую энергетiku, которая делает его и «взрослым», и «родителем»; и защитником, и командиром; и мудрым собеседником, и добрым товарищем. Во втором случае на месте той самой энергетики оказалась настоящая внутренняя смятенность, а попытка учеников прийти на помощь, выразившаяся в абсолютной тишине, самой учительницей

была воспринята как зонтик, предлагаемый рыбке, и совершенно лишила её всякой диалогической инициативы.

Судя по всему, «коньком» учителя химии была педагогическая предрасположенность; учительница литературы акцентировалась на своём опыте — но это не вполне удалось. Гармоническим содружеством предрасположенности и опыта является не риторически выверенная речь. Не знание новых монографий по предмету. Не умение целый час говорить о каждом из учеников. Таким содружеством неминуемо оказывается особая энергетика занятия, урок на одном дыхании, неповторимо «исполненный» и подобающим образом оформленный. Энергетика — главная задача для всех, кто обращается к аудитории, — для политиков, дикторов телевидения, блогеров, журналистов. И, конечно, для учителей. Педагогическая предрасположенность даёт учителю все новые формы обращения к аудитории, диалогического реагирования на её послылы; педагогический опыт осуществляет их огранку и шлифовку, позволяя безошибочно найти оптимальные — для этой ситуации, для этого контекста, для этого помещения (что немало важно). Предрасположенность создаёт творца, опыт — профессионала.

Ещё одна цитата, и тоже — без кавычек. По той же причине.

Маргарита не завуч и не директор. Она — Маргарита. Всё это знали. Но тупой Генка однажды на Маргаритинном уроке пропизгал, подражая кому-то:

— *Какие у вас губки!*

Этого никто не ждал. Не ждала и Маргарита. Но вдруг кивнула каким-то своим мыслям и, глядя в упор на Генку, поинтересовалась:

— *Так что же ты сидишь? Иди и возьми.*

Повисла звенящая тишина. Действительно звенящая — она звенела (кончился

урок), но звонка словно не слышали. Самые нетерпеливые поёрзали и остались сидеть, красные от любопытства.

— *Иди и возьми. Долго повторять?*

Генка поднялся. Глупо улыбаясь, подошёл к Маргарите. А та уже держала в руке две губки, которыми вытирали доску:

— *Бери!*

Надо ли удивляться, что классная руководительница, когда-то ответившая на такие же «губки» приступом негодования, показалась на этом фоне злобной тёткой, которой место не за учительским столом, а в комнатке техник?

Энергетика — находчивость учителя. Его умение принимать подачу. Она ощущается уже в приветствии, обращённом к классу: ему нельзя быть вялым, безразличным; не может оно быть и чересчур цветистым — если, конечно, за образной цепочкой не сквозит ирония, которую педагог избрал в качестве доминирующего пафоса занятия. Заметим: право на иронию нам даёт класс; если у нас нет этого права, — интенции «приколиста» останутся без ответа, а подсознательно вызовут только раздражение, поначалу прикрытое растерянностью. Запомним: если наш «прикол» не вызывал запланированной реакции, — диалога не получилось, и это нам дадут почувствовать уже на следующем занятии, когда мы рискуем оказаться перед классом, дающим нам ощутить полное пренебрежение.

Как успокоить класс, вышедший из-под контроля? Ни в коем случае не пытаться его перекричать! Командир, пытающийся успокоить взбунтовавшееся воинство, — жалкое зрелище. Не успокаивать его нужно, не грозить трибуналом, а посмотреть на ситуацию так, как смотрит мудрый родитель на расшалившееся чадо: этим мы вернём все к исходным координатам «ребёнок» — «взрослый». Наша

невозмутимость окажется куда более действенной, чем напоминания об аттестате и экзаменах. Невозмутимость, умноженная на учительскую энергетику, — ключ к решениям самых сложных коммуникативных задач.

Вожатый в лагере отдыха, увидев, что ребята, словно по команде, достали водные пистолетики и прямо в корпусе устроили морское сражение, оценил ситуацию и... примчался с таким же пистолетиком, заряженным немалым объёмом воды. Приняв участие в «сражении», он, весь мокрый, стал «своим», на него, старательно поддерживавшего ореол педагогической умудрённости, смотрели теперь другими глазами. В риторике это называют кризисом. Нужно ли добавлять, что в результате генеральной уборки, состоявшейся через несколько минут, корпус был вычищен и вымыт так, что о былых сражениях напоминали только счастливые лица и вожатых, и ребят?

Можно поступить и наоборот. В школьном классе, где нет места подобным баталиям, учитель кидает проблему, задуматься над которой должны абсолютно все. Формирует задание, на выполнение которого отведено три минуты — не более. Неожиданно, явно не желая вступать в дискуссии, смотрит в окно — но не с вяло-скучающим видом, а взволнованно, заинтересованно, даже ошеломлённо, сопровождая взгляд указательным жестом, вырвавшемся будто непроизвольно (вспомните Азазелло в Александровском саду, которому важно было увести в сторону внимание героини): нет сомнения, что класс, даже разгорячённый пылом разгоревшейся полемики, последует за взглядом и жестом. Внимание будет сосредоточено на том самом окошке — и в эту минуту некоторой эмоциональной расслабленности нужно начать урок. Не темой, а проблемой. Например, так: *«Может ли человек путешествовать из одного времени в другое? Сегодня увидим. Итак, цель нашего путешествия — средние века»*. Или так: *«Вы спрашивали, что такое любовь. Сегодня о ней и будем говорить. Итак, любовь в стихах Пушкина»*. Конечно, за окном ничего не было. Вы обозначились, увидев там знакомого, которого давно не видели, но теперь это не важно: внимание класса восстановлено!

Учитель роется в своей тетради, что-то ищет. Да, точно: теперь мы решаем задачу. «К доске пойдёт...» — он водит пальцем по журнальной странице.

«Впрочем, есть ещё одна работа, которую выполним сейчас», — добавляет, подумав. Если мы хотим быть энергичными, харизматичными, подобного не должно быть ни в коем случае! Задание, этапы урока должны органично следовать друг из друга, сменяясь в соответствии с некоей внутренней логикой, которая должна быть всегда. В план занятия мы смотрим, когда ребята отвлеклись, выполняя задания; и уж точно, однажды его составив, не имеем права растерянно сомневаться, какое последует. Бывает, что учителя ходят на занятия со старыми планами, сохранившимися от прошлых лет. Ни в коем случае!

В каждом новом классе ход занятия будет новым — сообразно усвоенному, преподаваемому; ближайшему и актуальному; умениям и способностям. И искать по журналу, кого следует вызвать, тоже надо было до урока! Харизматичный учитель «выстреливает» именами и заданиями, ни на миг не сомневаясь сам и не позволяя усомниться классу. Учительская энергетика означает хорошо отлаженный и безупречно работающий механизм — с одной стороны. С другой, — собеседника, друга, защитника. Но ни в коем случае не того, кто сам в этой защите нуждается: придя учителю на помощь, ученики утвердят его в позиции ведомого, а это — однозначная потеря коммуникативного лидирования, без которого урок не может состояться!

Чего никогда не допустит в своей речи учитель, совмещающий предрасположенность и опыт, а значит, обладающий педагогической энергетикой?

- Враждебности и самоуничтожения: враг не может вести в атаку, а тот, кто нуждается в помощи, уж точно её не окажет. Учитель может иронизировать. Может досадовать и злиться. Даже сетовать на непонятливость —

если других аргументов нет. Но держать себя с учениками как с врагами, да ещё и (случается!) превосходящими по силе, — верный показатель того, что никакой предрасположенности не было, а опыта — не будет, ибо придётся менять работу.

- Отсутствия энергетического напора: это была бы ситуация того педагога, у которого повысилось давление. Да, учитель — живой человек; он должен утверждать себя в этом качестве, если не хочет быть смятенным волной «цифровизации». Однако, чувствуя себя неважно, лучше дать комплекс заданий или мини-контрольную; во всяком случае, любой диалог в этом состоянии обречён. Ребята видят в учителе пример во всём; если это не так, — их отношение сразу меняется на противоположное. В силу чего будем помнить, что, «играя» беззаботного и разухабистого, которому море по колено, в этом состоянии мы скорее всего вызовем изумление и оторопь.

- «Стандартного», невыразительного произнесения материала урока. Но как говорить непринуждённо, если не говорить стандартно? Вспомним актёра. Ему верят, если он говорит громче обычного, выделяет окончания, акцентирует логические ударения. Он говорит как в реальности, только

реальность эта особая — сценическая. А. Вознесенский пишет о Майе Плисецкой, что она «ввинчивает зал в неистовую воронку своих... фуэте, своего темперамента, ворожит, закручивает: не отпускает»¹. Учительская энергетика — непременно обращение к «залу», каким для нас является класс; он соучаствует, сочувствует, сотворит — и тогда происходит то, что называют гармоническим единством предрасположенности и опыта.

Энергичность — главное качество педагогического посыла, позволяющее сделать его зерном предстоящей работы с классом. Но бесполезно вызывать энергию, когда её нет. В той же мере бесполезно её имитировать, когда класс приучен к определённой «планке», а на этом уроке учитель не может её достичь. Значит, нужно взять «тайм-аут» до следующего занятия. Но важно помнить: энергично, задорно, доброжелательно и непринуждённо подаваемые фразы — именно то, чего ждут ученики от своего наставника, чтобы утвердить в этой роли. **НО**

¹ Вознесенский, А.А. Портрет Плисецкой / А.А. Вознесенский. Проробы духа. — М.: Советский писатель, 1984. — С. 337.

Teacher Energy: Predisposition And Experience In Pedagogical Activity

Alexandr A. Murashov, Professor, Department of journalism, Yanka Kupala Grodno state University, associate Professor, doctor of pedagogical Sciences, Belarus, e-mail: alexm55@rambler.ru

Abstract: The article describes the role of predisposition and experience in the teaching profession. And at the same time, what is the significance of energy in the interaction of the teacher with the class: it is also called professional charisma, which is necessary in every case. The situations of several classes are shown, when it was the teacher's energy that helped overcome communication crises, adjusted the class to the perception of the material, and helped the teacher to gain the status of a communicative leader. Specific recommendations are given for achieving the business mood of the class, for involving it in the atmosphere of the lesson, for mastering the qualities of a charismatic professional.

Keywords: predisposition, experience, energy, communicative leader, pedagogical rhetoric, dialogue, pedagogical charisma.

Spisok ispol'zovannykh istochnikov:

1. Voznesenskiy, A.A. Portret Plisetskoy / A.A. Voznesenskiy. Proraby dukha. — M.: Sovetskiy pisatel', 1984. — S. 337.